

«Дружить семьями». Мнение Павла Басинского

16 ноября, завершился VIII Петербургский международный культурный форум

Павел Басинский

Масштабы форума, который подробно освещала «Российская газета», поражают. В нем приняли участие более 35 тысяч работников культуры из 96 стран, дискуссии проходили по 14 направлениям. Более 350 событий за три дня. На полях форума подписано более 90 соглашений.

Я хочу остановиться на одном мероприятии, которое провела «РГ» в СПбГУ – дискуссии **«Журналистика как литература»**. Ее модератором была замглавного редактора «РГ» **Ядвига Юферова**. Участвовали: телеведущий **Александр Архангельский**, журналист **Дмитрий Быков**, ректор Литинститута **Алексей Варламов**, руководитель электронного портала «Год литературы» **Михаил Визель** и ваш покорный слуга. Все по совместительству писатели.

Актовый зал экономического факультета СПбГУ был полон, но сидели в нем, как я понял, в основном студенты журфака. Во всяком случае, я не заметил в нем петербургских писателей, а я знаком со многими из них. И это показательно – писателей

меньше волнует эта тема, чем будущих журналистов.

Тема очень старая. Боюсь, что многие даже не представляют себе, насколько она старая.

Большая литература и большая журналистика возникли практически одновременно – в начале XVII века. Да, конечно, великая литература была в Древних Греции и Риме, в Древних Китае и Индии. Но это были другие цивилизации. А вот первый великий европейский роман – «Дон Кихот» Сервантеса – был напечатан в двух томах в 1605-1615 годах. Если коротко сказать, в чем была его суть, то это роман о том, как человек средневекового сознания, ограниченного территорией средневекового городка, вдруг выезжает в открытый мир, и мир видится ему крайне фантастическим.

И в это же время в 1618 году начинается Тридцатилетняя война, о которой некоторые историки говорят как о первой мировой войне. В ней участвовали сразу несколько мировых держав, передравшихся из-за колоний. Политический, экономический мир Европы становился глобальным, освещать его в границах городской торговой площади, где традиционно средневековый люд узнавал все внутренние новости, получая и свою порцию фейк ньюс (сплетен), было уже невозможно. Не случайно в 1631 году во Франции выходит первый номер первой полноценной газеты La Gazette при поддержке короля Людовика XIII и кардинала Ришелье. Название шло от мелкой венецианской монеты «газетты», за которую можно было купить ежедневный информационный листок.

Большая литература и большая журналистика возникли одновременно – в начале XVII века
Таким образом связались первый великий роман, первая газета и первая мировая бойня. И с тех пор, мне кажется, мало что менялось под луной. Великие исторические потрясения нуждались в освещении, обыватель хотел знать, что в мире происходит и чем это грозит ему лично. Зинаида Гиппиус в дневнике писала: самое страшное, что сделали большевики, – это закрытие газет. Когда ты не знаешь, что происходит вокруг, ты – заложник

сплетен, дезинформации и манипуляции твоим сознанием со стороны власти.

С другой стороны, важные общественные события нуждались в осмыслении. Тут на помощь приходила литература. Классический пример – «Бесы» Достоевского, написанные по следам «нечаевского» процесса.

Так, во всяком случае, было до последнего времени, когда литература и журналистика существовали вместе, но все-таки параллельно. Когда Пушкин стал заниматься журналистикой, современники его осуждали: негоже поэту тупить свое перо ради газетного листка. Но именно Пушкин впервые в России показал пример единства писателя и журналиста. «Капитанская дочка» и «История пугачевского бунта», написанная почти в репортажном ключе, как результат поездки по Оренбургскому краю, – образец того, как одно и то же событие освещается в разных жанрах. Но все-таки разных.

Во время дискуссии Александр Архангельский справедливо заметил, что сегодня традиционные критерии размываются. Они размываются и в литературе, и в журналистике. Сегодня уже трудно сказать, где кончается «серьезная литература» и начинается «массовая». И так же трудно сказать, где кончается журналистика и начинается пиар.

Отсюда вопрос. Литература по-прежнему остается «областью духа» в отличие от журналистского «ремесла»? Дмитрий Быков, сам автор нескольких романов, вдруг заявил, что если журналистика – ремесло, то литература – шарлатанство. По его мнению, в мире происходят такие колоссальные изменения, которые литература не в силах осмыслить традиционными художественными методами. Поэтому, с его точки зрения, роман Сергея Самсонова «Держаться за землю» о донецких событиях, получивший премию «Ясная Поляна», – это «пошлость». Автор там не был, он все придумал. Но и книга участника событий Захара Прилепина «Некоторые не попадут в ад», о которой напомнил Михаил Визель, Быкова не устраивает. Вот и поди разберись.

На мой взгляд, в эпоху интернета, когда публичное высказывание становится доступным всем и каждому, и литература, и журналистика, как жанры очень старые и традиционные, одновременно оказались в серьезном кризисе. Поэтому уже бессмысленно спорить, что является «ремеслом», а что – «областью духа». Писателем может объявить себя каждый, выложив свой текст на Прозе.ру. И каждый может объявить себя единоличным СМИ, достаточно завести свой блог в интернете или просто постить и репостить «нюс» и «фейк нюс» в соцсетях. Почти как на торговой площади в Средние века, только «глобально». Традиционная литература и традиционная журналистика вынуждены искать свое место в этом «диком поле». Давайте не конфликтовать, а, как сказал герой фильма «Москва слезам не верит», «дружить семьями».

Павел Басинский